

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

ФОТОРОБОТ
В ЗОЛОЧЕНОЙ РАМЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Фоторобот в золоченой раме / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-98475-6

Хозяева художественного салона Ирина и Рубен Левицкие больше ценят не сами картины, а доход от их реализации. И не церемонятся в способах обогащения. Легко могут подставить коллег, продав им подделку, за взятку организовать обыск у конкурентов или «заказать» особо несговорчивых. Доказать причастность Левицких к покушению на известного коллекционера поручено следователю Платову. Но это не просто даже при наличии улик. На стороне обвиняемых такая серьезная сила, бороться с которой может или ненормальный, или слишком уверенный в себе человек.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98475-6 © Рясной И., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Автор выражает благодарность участникам событий, послуживших основой данной книги, полковнику полиции Юрию Ковалёву, майору юстиции Никите Семёнову, майору полиции Михаилу Шпагину.

Часть первая

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

Ирина блистала. Она загадочно улыбалась, сыпала ироничными замечаниями. Она обхаживала клиента.

— Посмотрите на игру света, — она водила рукой рядом с полутораметровым пейзажем в тяжёлой резной золотой раме. — А какое ощущение воздуха. В середине девятнадцатого века каноны классицизма уже тянули искусство вниз, тяжеловесные прописанные линии, предельная чёткость и детализация. Закостенелость.

— Это верно, — важно кивал похожий на крота-бухгалтера из мультфильма «Дюймовочка» олигарх на рынке молочных продуктов.

— А хотелось движения. Воздуха. К этому через несколько десятилетий придут импрессионисты. А русское искусство пришло раньше, ещё в середине девятнадцатого века. Не случайно русская живопись по ценам в десятки раз выше западной того же периода.

— Даже слишком высоко, — олигарх аж причмокнул. — Восемьсот тысяч долларов.

— Для вас семьсот пятьдесят. Нам ещё важно, чтобы картины уходили не к бездушным торговцам, а к людям, которые их будут ценить.

— Семьсот пятьдесят, — олигарх прокручивал что-то в голове. — Мне надо подумать.

В галерее было светло от света ярких ламп. Ирина Левицкая, невысокая миловидная женщина, увлекала клиента от одной картины к другой, а на всё это с какой-то угрюмой надеждой взирал двухметровый нахохлившийся мужчина в очках.

Процесс охмурения проходил в привычном русле. Ирина блестяще владела этим искусством — она могла быть снисходительной, заискивающей, высокомерной. Клиент должен воспринимать арт-дилера как жреца, которому открыто сокрытое для всех, а себя — как посвящаемого.

Проводив клиента до дверей и закрыв за ним дверь, Ирина победно взметнула руку:

— Он наш.

— Ещё неизвестно, — сказал здоровяк Рубен Левицкий, партнёр и по совместительству муж Ирины.

— Видел, как загорелись его глаза, когда он смотрел на «Пейзаж с озером». Это глаза наркомана. Он болен собирательством. Как говорил мой учитель Рубинштейн: «Только шизофреники могут платить такие деньги за старые куски холста, измазанные краской».

— Особенно сомнительного авторства и происхождения, — горько усмехнулся Рубен.

Ирина резко повернулась к нему и обожгла взглядом.

— Чтобы я никогда не слышала от тебя этого!

— Ну а я чего, — стушевался Рубен. — Чего такого сказал?

— Никогда, — настойчиво повторила она, сжав кулаки.

— Да. Ну да. Извини.

* * *

Платов нервно посмотрел на часы. Он опаздывал. Притом опаздывал прилично. А если он опоздает, то... Ой, что будет. Оксана просто его уничтожит — морально, а может быть, и физически.

В этот день шестнадцать лет назад они познакомились. Оксана помнила это прекрасно, тогда как он забывал об этом всё время. И опаздывать в ресторан «Узбекистан» нельзя.

Поэтому стоять в пробке Платов не стал, и его «Жигуль» устремился по окольным улицам и переулкам. Надал газу — узкая улица была почти пустая.

Бумс. Скрежет. Удар. Звон стекла.

— Ну твою ж мать! — простонал Платов.

Какой-то подколодный гад на синем «ВАЗ-2105», газуя без ума и удержу, вынырнул из переулка справа и, будто специально, пошёл на таран.

Платов, в последний момент краем глаза заметив движение, вывернул руль, поэтому удар получился скользким. «Вражескую» машину развернуло, она ткнулась бампером в столб и заглохла. Её перекосившаяся дверь вылетела от удара. Наружу вывалился

смуглый черноволосый заморыш. Упал на колени. Но тут же вскочил и, пошатываясь, ринулся прочь.

— Стой, зверёк! — Платов, злой как чёрт и внутренне уже созревший для насилия и беспредела, выскочил из салона.

Смуглокожий бегун ковылял, хромя, а вовсе не нёсся горной ланью. Платов легко настиг его. Толчком в спину уложил на асфальт и поинтересовался:

— Далеко бежим?

— Да пишел ты, к-а-а-а-зе-ел! — истерично заорал кавказец и попытался вскочить.

Платов уверенным, отработанным движением заломил руку, потом другую, защёлкнул наручники. И ласково осведомился:

— И кто у нас, такой говорливый, сейчас за козла ответит?

— Да пишёл ты, казёл чумазий! — неожиданно блеснул кавказец, видимо, чем-то дорогим ему словом.

— О, как запущено всё.

Платов, вздёрнув за куртку, которая треснула по швам, поставил неудачливого водилу на ноги. Кавказец попытался пнуть его ногой и заработал мощный удар ладонью в лоб — бил Платов ладонью, как кувалдой, рука у борца-вольника тяжёлая.

Платов огляделся. Чем-то знакомая была тачка у камикадзе. Обычная синяя «пятёрка». А вот номер... Да его же только что объявили в розыск! Об этом трещала рация в салоне служебного автомобиля. Угон!

Ну что, опер, не зря день прошёл. Вот так вот палки рубят профессионалы. Идёшь, а она сама падает сверху. Красота... Ну, если не считать погнутой дверцы. И ещё — Оксаны... Ну что за засада! Что делать?

Платов обвёл задумчивым взором угонщика, прикидывая — а не отпустить ли его восвояси... Но в мире нет таких причин, которые заставят его отпустить жулика.

Поэтому он горестно вздохнул, взял микрофон автомобильной рации, нажал на танкету и угрюмо произнёс:

— Утёс один. Докладывает оперуполномоченный МУРа Платов. Мною по ориентировке задержан...

В местном ОВД Платову выделили стол в просторном кабинете с зарешеченными окнами, плотно заставленном столами, стульями и сейфами. Там обитал дежурный оперуполномоченный, как и положено человеку при исполнении, расслабленно озабоченный. Тут же был включённый компьютер.

«Начальнику ОВД по району...» — начал довольно быстро барабанить Платов по клавишам.

Когда он оторвался от работы и посмотрел на часы, понял, что пропал. Окончательно и бесповоротно.

Телефон в его кармане истошно завопил: «Пошла эсэмэска. Пошла, пошла. Вот она уже здесь». Старшая дочка установила это безобразие, и гнусный голос теперь пугал коллег, да и самого Платова.

Эсэмэска была короткая:

«Убейся об стену!»

Платов набрал номер. На третий раз Оксана взяла трубку. Холодно сообщила, что она в ресторане, где его не видит. Узнав о ДТП, испугалась, но, услышав, что муж оформляет жулика, отчеканила:

— Всё, Платов, конец тебе...

С бумагами он провозился долго — на улице уже стемнело.

— На двое суток этого Ваху Магомедова закрыли как иногороднего, — сказал молоденький дознаватель. — А потом решать будем, что с ним делать. Статья не тяжкая.

Ну что ж, можно отчаливать. Зверёныш в камере. Больше опера из МУРа он не интересовал — не его уровень. Но что-то в задержанном настораживало.

— Слышь, дружище. Дай-ка переговорить со зверьком, — сказал Платов.

— Да без вопросов, — кивнул дознаватель. — Только без членовредительства.

В тесный дознавательский кабинет завели кавказца и усадили напротив Платова. Задержанного била мелкая дрожь. Он был жалок и запуган.

— Отпустите, — заканючил он и всхлипнул. — Денег дам. Дознаватель не берёт, говорит, вас боится... Брату позвоню. Он много денег привезёт.

— Эх ты, черт нерусский. — Платов потрепал задержанного по щеке, так, что осталось красное пятно. — На тебе условная не снятая судимость. Пакуй чемоданы. Заждалась тебя Колыма.

— Мне нельзя!!! — упрямо повторил Ваха. — Мне в тюрьме смерть! Что делать?

— Колись ещё на пару эпизодов, суд тебе зачтёт чистосердечное раскаяние. Глядишь, колония-поселение нарисуеться. А это далеко не зона.

— Нельзя мне никаких поселений! Нельзя. Отпусти!

— Поздняк метаться, орёл горный.

— Я... Я киллера сдам.

— Что?!

— Мой друг. Должен одного лоха завалить. Я эту машину ему должен был подогнать... Я вам друга дарю. Вы мне свободу дарите.

— Расклад понятен. — Платов прикинул варианты. Похоже, парень не врёт. — Когда мочить будете?

— Завтра.

— Что-то ты рановато с тачкой подсуетился.

— Место для отстоя есть. Номера левые есть. А если впритык брать — можно не успеть. Тогда башки лишусь. Аслан строгий...

— Завтра, — Платов задумался. — Ну, до того времени у нас посидишь... Не в камере — в кабинете...

* * *

Машина правосудия начала своё движение. Платов доложил информацию по киллеру начальнику своего отдела, а тот — начальнику МУРа и замначальника главка. Это было уже ночью, но время поджимало, решать надо было быстро.

Большие руководители дали отмашку, распорядились выделить необходимые силы и средства и

душегуба «окружать». Исполнителям действовать исходя из ситуации. Вся тяжесть ответственности ложилась на плечи Платова как инициатора и на начальника отдела по заказным убийствам Андрея Рогозина, в чью компетенцию входят такие дела.

Было два варианта. Первый — Ваха выводит оперативников на киллера и того задерживают с оружием. Вот только здесь покушение на убийство, если киллер не расколется и не даст полный расклад, недоказуемо. Останется только незаконное хранение оружия, по нынешним временам статья слабая. И киллер останется на свободе. Вариант второй — проследить за убийцей и, когда он выйдет на цель, аккуратноенько принять. Платову второй вариант совсем не нравился — если что-то пойдёт не так, киллер может успеть сделать своё дело. И тогда головы всем снимут. Но начальник убойного отдела закусил удила. Ему до зарезу нужен был задержанный с личным киллер. И для этого он готов на любой риск.

Утром всё пошло как по маслу. Ваха встретился с киллером на юго-востоке Москвы и передал ключи от машины — той самой злополучной «пятёрки», которой в полицейском гараже наспех поправили дверцу. Платов с Рогозиным, устроившиеся в отделении в служебном «Форде Фокусе», со своей позиции видеть эту встречу не могли, однако её плотно контролировали разведчики из службы наружного наблюдения.

— Ну вот, обнимаются. По плечам друг друга хлопнули, — донёсся в рации комментарий опера из

«наружки». — Всё, наш человек отвалил в сторону. Объект садится в машину... Начал движение.

— Третий, ведёшь его, — послышался голос старшего бригады наружного наблюдения.

— Понял.

— Пятый, ведёшь с опережением, если он рвануть решит.

— Принято.

Всё, началась гонка с преследованием. Сегодня гоняли клиента пятью экипажами «наружки» — не приметными иномарками и отечественными легковушками с сформированными двигателями. Вели очень аккуратно. Вчера в «пятёрку» вмонтировали радиомаяк и микрофон, так что теперь машина под полным контролем и никуда не денется.

— Идёт в сторону Волгоградки... Чёрт, я его потерял из виду.

— Пятый на связи. Я его перехватил.

— Только не лезь близко.

Фигурант вёл машину аккуратно, соблюдая все правила дорожного движения и скоростной режим. Через четверть часа синяя «пятёрка» въехала во двор, зажатый шестнадцатизэтажными домами.

— Вот оно, место исполнения, — со своей обычной непоколебимой уверенностью выдал Рогозин.

«Пятёрка» остановилась перед элитным домом со стенами, выложенными праздничной разноцветной плиткой, с полукруглыми лоджиями. На стоянке теснились элитные «Мерседесы», «БМВ».